

Здоровье у Лу Гуйсюэ и без того было хрупким, а тут после недавнего сильного жара его подкосил очередной недуг — не сказать чтобы смертельный, но приковавший к постели ненадолго.

Так, за чередой болезненных дней, весна сменилась зимою: незаметно пролетел ещё один год.

Гора Цюншань легла к западу, и пусть сиверские стужи Северной Пустоши сюда не добирались, зимы без снегопадов не обходились.

Лу Гуйсюэ и прежде не горел желанием покидать свои покои, а уж заимев послушного ученика, и подавно засел на Пике Вечных Осеней, где царило вечное тепло.

В последнее время болезнь немного отступила, и он вошёл во вкус: какими бы ни были дни, вытаскивал плетёный лежак к лotosовому пруду и грелся на солнышке.

Днём, за исключением трапез, сна да неторопливых разговоров с Шэнь Лоуханем, Лу Гуйсюэ почти всё время прикрывал глаза. Он полулежал, небрежно откинувшись на спинку, с древним свитком в руке — будто задремал на середине страницы.

Со стороны — вылитая вяленая рыба, которой лень даже перевернуться на другой бок.

Вряд ли кому-то могло прийти в голову, что за этой беспросветной ленью скрывается духовно развивающийся практик.

Лу Гуйсюэ уже некоторое время постигал «Писание Сердца». Поначалу контролировать новую силу удавалось с трудом, но теперь он научился придавать своему духовному восприятию любую форму и пробовал аккуратно проникать в море осознания медитирующих учеников.

Внутренний мир сознания оказался безбрежным и призрачным — точь-в-точь туманная, сюрреалистичная россыпь звёзд. Духовные пространства людей не имели чётких границ; они сплетались, причудливо перекрещивались и мерцали, превращая эту звёздную бездну в калейдоскоп фантасмагорий.

Накануне Лу Гуйсюэ как раз пробился к третьему уровню «Писания Сердца» и сегодня намеревался выбрать задачу посложнее — нанести визит кому-то из более искушённых практиков.

Духовное явление он оформил в виде длиннохвостого снежного воробушка — крошечного, пушистого комочка. Пролетая над астральными просторами, тот смахивал на затерявшуюся снежинку, не привлекая ничьего внимания.

Сделав пару кругов над мерцающей бездной, птичка опустилась на барьер, ограждавший море осознания одного из адептов. Лу Гуйсюэ постучал клювом по защитной пелене, пытаясь

просочиться внутрь.

Покров слегка истончился, открывая крошечную лазейку, но не успел он протиснуться, как всё духовное пространство вздрогнуло и лопнуло, точно мыльный пузырь.

Очевидно, старший адепт внезапно прервал медитацию, отчего его море осознания мгновенно сместилось и растворилось в звёздном мареве.

Крошечные лапки потеряли опору, и снежный воробушек камнем пошёл вниз.

Не успел Лу Гуйсюэ расправить крылья и выровнять полёт, как его затянуло в чужое духовное пространство — так стремительно, что вырваться не было ни единого шанса.

Однако приземление вышло мягким: неведомая сила бережно подхватила птичку и опустила её на заснеженную ветку.

Поведя пушистым тельцем, воробушек стряхнул с перьев свежий снег.

Это море осознания поражало своим величием. Кругом простирались суровые заснеженные пики, а в чаше между ледяными кручами покоилось замерзшее озеро. Лёд был настолько прозрачен, что на самом дне легко угадывались силуэты бесчисленных мечей — и каждый, без исключения, переломлен пополам.

В отличие от предыдущего места, владелец этого духовного мира достиг как минимум стадии Разделения Духа. Он медитировал здесь веками, отчего его внутреннее пространство обрело непреложную устойчивость и не меняло облика от малейшего дуновения мысли.

Лу Гуйсюэ вдруг осознал: хозяин этого пространства ему наверняка знаком. Иначе пробиться сквозь барьер мастера стадии Разделения Духа так легко не удалось бы — «Писание Сердца» ещё не давало такой всемогущей силы. Разум владельца просто узнал духовную суть Лу Гуйсюэ, и подсознание, вместо того чтобы отторгнуть чужака, само протянуло ему руку помощи.

Сидя на ветке, птичка прищурилась, глядя вглубь ледяной долины.

По зеркальной глади озера расплзлась паутина трещин. В следующее мгновение оглушительный взрыв мечевой цзи разнёс весь ледяной покров на мелкую крошку, взвившуюся в воздух сверкающим вихрем.

Из бурлящей пучины вынырнула стройная, прямая фигура. Мужчина отбросил очередной обломок клинка. Ещё секунду назад его чёрно-белое ханьфу вымокло насквозь, а едва вышло на мороз — покрылось коркой льда. Но практики подобного уровня не обращают внимания на стужу: духовная энергия выплеснулась наружу сокрушительным потоком и в мгновение ока

сбила иней с одежд.

«Изнурять себя тренировками даже в собственном сознании... Во всей Цюншань на такое способен только один мечник — Се Чжэфэн», — подумал Лу Гуйсюэ.

Се Чжэфэн ушёл в уединённую медитацию сразу после того, как в прошлый раз покинул Пик Вечных Осеней, и с тех пор они не виделись.

Если память не изменяет, Се Чжэфэн достиг пика стадии Разделения Духа и стоял у порога этапа Постижения Пустоты — оставалось лишь осознать завершающий взмах Пути Высшей Тайны. Однако, судя по всему, мечник упёрлся в тупик. Сломанные клинки на дне озера — не что иное, как немые свидетели его бесплодных попыток.

В прошлой жизни свой последний клинок Се Чжэфэн постиг в безумной трёхдневной схватке с Лу Гуйсюэ на Руинах Южного Моря: обменявшись тысячами смертоносных выпадов, он нашёл прозрение в самом пылу боя.

Нынче о подобных спаррингах не могло быть и речи — хрупкое тело не выдержит, а значит, придётся действовать иначе.

Стоя под заснеженным деревом, Се Чжэфэн сжал ладонь — и сила мысли мгновенно сотворила новый клинок. В то же мгновение разбитый лёд на озере сросся, принимая прежний вид.

Зажмурившись, мечник замер, пытаясь вновь нащупать сокровенную суть Пути Высшей Тайны. Выплеснувшаяся аура меча оседала инеем, а по воронёной стали клинка поползли сизые струйки морозного пара.

И вдруг лезвие слегка прогнулось под чьей-то невесомой тяжестью.

Се Чжэфэн открыл глаза и замер: на самом острие восседал длиннохвостый снежный воробушек. Наклонив пушистую головку, пичуга разглядывала его блестящими чёрными бусинками глаз.

Мечник растерялся. Откуда в этом выстуженном, безжизненном мире взялось столь живое и дерзкое создание?

Сам он отродясь не сотворил бы подобной глупости. Но куда страшнее было другое: в глубине души промелькнула нелепая мысль, что этот белёсый комочек... довольно мил.

В обиходе Се Чжэфэна подобным понятиям места не водилось.

Воробушек колыхнул изящным длинным хвостом, и сквозь клинок в тело Се Чжэфэна струйкой

просочилась мягкая, лишённая злобы духовная мысль.

В то же мгновение в его сознании вспыхнул сноп слепящих мечевых теней. Под воздействием чужого импульса окружающий мир начал стремительно преображаться: заснеженные горы и ледяное озеро истаяли, уступая место безбрежной синеве бескрайних вод.

Над волнами возвышались обломки древних островов и развалины.

— Руины Южного Моря...

Се Чжэфэн мгновенно узнал это место. Он бросил взгляд на клинок, но птички на острие уже не было. Зато в нескольких шагах перед ним поднялся силуэт.

Нечёткая, туманная фигура сжимала почти прозрачный меч, будто выкованный из самого ветра. Незнакомец вскинул оружие в приветственном жесте, приглашая к поединку.

Се Чжэфэн никогда не уклонялся от боя — и шагнул навстречу.

Вспыхнул сноп слепящих искр, рассекая ветры и тучи; казалось, сама небесная твердь и океанские глубины содрогнулись от ярости их клинков.

Пока в сознании Се Чжэфэна кипела грандиозная битва, снежный воробушек тихонько выскользнул прочь. Лу Гуйсюэ вернул духовное восприятие в собственную плоть.

Он лишь извлёк из памяти воспоминание о том древнем поединке на Руинах Южного Моря, слегка сгладил детали и запечатлел этот образ в море осознания мечника. Картина передавала суть процентов на восемьдесят, но с феноменальной проницательностью Се Чжэфэна этого должно хватить с лихвой — дай только время, и последний взмах Пути Высшей Тайны покорится ему.

Покончив с делом, Лу Гуйсюэ почувствовал накатившую тяжесть. Солнце уже клонилось к западу — скоро Шэнь Лоухань вернётся из Зала Познания Дао.

Лу Гуйсюэ открыл глаза. От долгого неподвижного лежания в кресле неможное тело затекло. Он сладко потянулся, но, мельком коснувшись взглядом пространства за спиной, чуть не вскрикнул от неожиданности.

Шэнь Лоухань успел появиться бесшумно и высился прямо за креслом, не сводя с него пристального взгляда.

— Учителю снился сон?

— М-м, — Лу Гуйсюэ неосознанно кивнул. Раз уж духовное сознание совершило целое путешествие, это вполне сойдёт за сновидение.

— И во сне произошло что-то хорошее? — с дотошностью допытывался ученик.

Лу Гуйсюэ смутно показалось, будто Шэнь Лоухань сегодня сам не свой, однако расспросы звучали совершенно невинно, и он вновь качнул головой:

— Да.

И пусть забраться в планируемое море осознания не удалось, случайная помощь Се Чжэфэну действительно принесла отраду.

Шэнь Лоухань растянул губы в улыбке, но глаза его остались ледяными.

— Оно и видно. Неудивительно, что только что, едва заснув, Учитель тихо прошептал имя дяди-наставника Се... Должно быть, и впрямь приснилось нечто прекрасное.

В произнесённых с особым нажимом словах «дядя-наставник Се» просквозила явная ярость. Лу Гуйсюэ озадаченно моргнул.

За что бы его ученику питать такую вражду к Се Чжэфэну?

В прошлой жизни их ещё могли стравливать междоусобицы Цюншань, но в этой-то — с чего бы вдруг?

<http://bllate.org/book/20383/2121892>